

УДК 930.1

М.С. Колесов, профессор, д-р филос. наук*Севастопольский национальный технический университет**ул. Университетская, 33, г. Севастополь, 99053**E-mail: fsn.sntu@gmail.com***МАРКСИЗМ И «СОЦИАЛИЗМ» (С. ПЛАТОНОВ)**

Анализируются основополагающие принципы учения К.Маркса в сопоставлении с советской моделью «социализма».

Ключевые слова: марксизм, советский социализм, коммунизм, элитаризм

В 80-е годы XX века в советской печати активно обсуждался вопрос: «не устарел ли марксизм?» По мнению некоторых публицистов и специалистов по «научному коммунизму», «перестроечная» программа «обновления» социализма не укладывалась в «прокрустово ложе» марксистской теории. На самом деле речь шла не о марксистской (К.Маркса) теории, а об ее ленинской интерпретации и сталинской модели «социализма». При этом никто не задался вопросом: а какое отношение «советский социализм» имеет к классическому марксизму?

В 1989 году в молодежном издательстве «Молодая гвардия» вышла небольшая книга некоего С. Платонова (псевдоним) под претенциозным названием «После коммунизма» Книга была написана еще в 1986 г. якобы «специалистом в области физико-математических наук». «Диалог с представителями отечественных «общественных наук» представляется ему преступной и бессмысленной тратой драгоценного времени», – написано об авторе в предисловии к книге. В эйфории «перестройки» на книгу не обратили внимания. Но выводы и сентенции, которые логически следовали из авторской подборки, в общем-то, известных цитат из работ классиков марксизма, были оригинальны и эпатировали конъюнктурному толкованию марксистской теории. «Ныне, как никогда, – пишет Платонов, – «реальный социализм» жизненно нуждается в том, чтобы увидеть себя в зеркале *реального марксизма*» [1, с. 17]. Критерием марксизма, по его мнению, является «буквальное» понимание Маркса. «...Главная наша проблема состоит в том, что мы по-настоящему не осознаем, кто мы такие и где находимся, что должны делать, в чем состоит строительство коммунизма» [1, с. 19].

Известно определение К.Маркса: «*История – не что иное, как деятельность преследующего свои цели человека*». Платонов это определение толкует так: «Производительная сила есть «субстанция-субъект» именно потому, что ее субстанцией является материальная деятельность, субъектом которой выступает живой, деятельный, присваивающий природу человек». [1, с. 38].

Одним из распространенных стереотипов советской (сталинской) идеологии явилось отождествление «социализма» с «коммунизмом» («первая фаза построения коммунистического общества»).

Между тем С. Платонов в своей книге обращает внимание на то, что у К.Маркса мы не находим такого утверждения.

Он цитирует К.Маркса: «...Коммунизм – гуманизм, опосредованный с самим собой путем снятия частной собственности. Только путем снятия этого опосредования, – являющегося, однако, необходимой предпосылкой, – возникает положительно начинающийся с самого себя, *п о л о ж и т е л ь н ы й* гуманизм». Для Маркса, коммунизм есть «эпоха преодоления отчуждения», т.е. уничтожение частной собственности. В «Манифесте Коммунистической партии» записано буквально: «...Коммунисты могут выразить свою теорию одним положением: *уничтожение частной собственности*».

Вместе с тем, по Марксу, социализм есть *не уничтожение* частной собственности, а лишь ее «упразднение». «...Уничтожение частной собственности состоит в овладении всей совокупностью господствующих над индивидами производственных отношений и тем самым – в присвоении отчужденных в этой вещной форме общественных производительных сил объединившимися индивидами» [1, с. 22].

К.Маркс установил, что частная собственность представляет собой «форму развития процесса отчуждения труда». «...Коммунизм как уничтожение частной собственности... есть не статистическое «идеальное» состояние общества, а историческая эпоха, содержанием которой является *преодоление отчуждения*» [1, с. 28].

Платонов называет разработку проблемы отчуждения «историческим завещанием» Карла Маркса. «Сегодня дальнейшее промедление с исполнением этого завещания смерти подобно» [1, с. 32].

«...Коммунизм – гуманизм, опосредованный с самим собой путем снятия частной собственности».

Коммунизм «на первых порах... выступает как *всеобщая частная собственность*». «Категория *рабочего* не отменяется, а распространяется на всех людей, отношение частной собственности остается отношением всего общества к миру вещей». «Для такого рода коммунизма общность есть лишь

общность *труда* и равенство *заработной платы*, выплачиваемой общинным капиталом, *общинной* как всеобщим капиталистом». При этом продолжает существовать капитал «в *снятом виде*», в качестве «стоимости, приносящей стоимость», которая «теперь распределяется в интересах всего общества» [1, с. 54-55].

Платонов напоминает, что центральной категорией «Экономическо-философских рукописей 1844 г.» является категория «отчуждения», через которую выражается материалистическое понимание истории.

«Для того чтобы самим творить историю, стать ее субъектом, люди, прежде всего, должны преодолеть отчуждение, уничтожить частную собственность. По Марксу, сущность человека – совокупность всех общественных отношений. Поэтому основное содержание коммунистической эпохи – присвоение человеком всей совокупности отчужденных и порабошающих отношений и тем самым возвращение человеку его подлинной сущности» [1, с. 64-65].

Гуманизм и означает, что «все огромное духовное богатство, заключенное в понятии «человек», становится достоянием каждой личности».

По К. Марксу: «Царство осознанной необходимости» = «Эпоха коммунизма». «Царство свободы» = «Эпоха коммунизма».

Таким образом, коммунизм есть преодоление «отчуждения» человека, то есть «гуманизм».

«Гуманизм – свободная ассоциация всесторонне развивающихся индивидов, *уже не состоящих друг по отношению к другу в каких-либо отчужденных, производственных отношениях*».

Но Платонов признает, что «сегодня коммунистический идеал *не работает*», он «фактически подменен одним из этапов – пусть высшим – движения к нему, но главным образом – с его крайней абстрактностью» [1, с. 73].

«Иллюзия возникает из-за того, что естественное движение в русле мысли основоположников марксизма-ленинизма на каждом шагу приходится прерывать для расчистки этого русла от безграмотных интерпретаций, схоластических арабесок, фиги умолчания и иных миазмов теоретического бескультурья, прочно сросшегося с корыстным цеховым интересом». [1, 82].

Он утверждает, что «формула, состоящая в том, что целью коммунизма является построение коммунизма, суть простая *тавтология*».

«Поэтому альфой и омегой коммунизма является тезис, состоящий в том, что *жизненность, практическая реализуемость гуманистического идеала может быть обеспечена только путем предварительного уничтожения частной собственности, преодоления отчуждения*».

«Коллизия свободы и равенства» проходит через всю человеческую историю».

«Поэтому коммунистическим идеалом, жизненным идеалом Маркса является борьба за претворение в жизнь идеала гуманизма, то есть революционное переустройство общества, уничтожение отчуждения...» [1, с. 130].

Что же происходит при «реальном социализме»?

Платонов предлагает перейти «от жизни – к теории». Он задает вопрос: «в чем же конкретно состоит потенциальное превосходство социалистической экономики, и когда, наконец, оно станет реальным»? Сам он считает, что «к счастью» ответ на этот вопрос дан марксизмом. «Коренное преимущество социалистической экономики состоит в том, что она *сознательно* строится коммунистической партией, которая опирается в качестве средства на *научную основу* – названное Лениным «синонимом общественной науки» материалистическое понимание истории...» Но сам же вынужден признать, что «конечно, этот ответ сам по себе абстрактен» [1, с. 59].

Если целью коммунистов является построение коммунистического общества, то «становится особенно заметно, что связь этой цели с тем, что объявлено теоретическим средством ее достижения – материалистическим пониманием истории – мягко говоря, далеко не очевидна». Хотя «существует целая «культура» схоластического теоретизирования относительно характера этой связи» [1, с. 60].

Это несоответствие Платонов называет «парадоксом». Коммунисты лишают себя «главного теоретического оружия» – материалистического понимания истории, как только свершается «социалистическая революция». Здесь очевидна дилемма: «или признать, что коммунистический тип развития не подвластен никаким объективным законам...; или предположить, что таковые законы существуют – тогда нам предстоит начать их познание с нуля, ибо исторический материализм Маркса-Ленина оказался здесь неприменим...» «...Тогда... исторический материализм... не может иметь никакого отношения ни к социализму, ни к коммунизму, и не в силах помочь в их изучении, так как относится к абсолютно другому типу развития» [1, с. 62].

Другим «парадоксом» социализма Платонов считает отсутствие представлений о «производственных отношениях». «Уничтожение производственных отношений по своей сути полностью совпадает с уничтожением труда». Однако К. Маркс писал («Немецкая идеология»): «Труд есть та сила, которая стоит над индивидами; и пока эта сила существует, до тех пор должна существовать и частная собственность».. Итак, по Марксу, «труд есть лишь выражение человеческой деятельности в

рамках отчуждения», или другими словами, «труд есть категория, означающая такой вид деятельности людей, при которой они связаны между собой отчужденными, то есть *производственными* отношениями» [1, с. 69-70].

Платонов считает, что «все ухищрения скроить экономическую теорию социализма по образцу и подобию политэкономии капитала» - бесперспективны.

«Предмет экономической теории социализма – уже не объективная диалектика формы и содержания производства, а *диалектика, опосредованная общественным сознанием*, и в первую очередь – такой его формой, как марксистская теория».

Как ему представляется, «гораздо более естественным и перспективным путем» было бы придание экономической теории реального социализма «*нормативной формы*» «Ее законы должны быть законами *строительства*, нормативными моделями, проектами конкретных этапов развития хозяйственного механизма». «Превращение общественной науки в непосредственную производительную силу и означает создание подобных специальных средств социального проектирования».

Он замечает, что «по поводу социализма написано так много, что на каждую строчку «Капитала» давно приходится увесистый том; тем не менее «Социал» так до сих пор и не создан». А между тем социализм – это «последовательная стремительная смена все более усложняющихся социально-экономических форм, каждая из которых не менее сложна, чем форма капитала».

В.И. Ленин в своем знаменитом «Великом почине» писал о том, что производительность труда, это самое главное для победы нового общественного строя, социализм победит капитализм, только создав гораздо более высокую производительность труда.

На это Платонов замечает: «Призывать к «совершенствованию социалистических производственных отношений» было бы смешно, когда бы не было так грустно. Это абсолютно тождественно призыву «совершенствовать социалистическую частную собственность» [1, с. 94].

Он уверен в том, что «для нас сохранение существующего типа развития еще хотя бы на пятилетие подобно игре с Историей в «русскую рулетку», имея в виду перспективы «начатого Лениным социалистического строительства...»

«Все мы испытываем на себе наваждение обыденности, ту иллюзию, что сложившийся ход вещей неизбежно и будет сохраняться вечно, что с назревшими переменами можно и спешить. Из истории хорошо известно, чего могут стоить подобные иллюзии и во что они обходятся». [1, 98].

Прежде чем говорить о «принципиальном преимуществе» социалистической экономики, следует ответить на «далеко не праздный» вопрос: «что же такое социализм вообще». «Нам нужно выяснить, грубо говоря, какую часть коммунизма составляет социализм» [1, с. 166].

Еще В.И. Ленин заметил, что до тех пор пока в обществе сохраняется «классовая разница между рабочим и крестьянством», это общество не является ни коммунистическим, ни социалистическим. Хотя, «*при толковании слова социализм в известном смысле*, можно назвать его социалистическим...»

Платонов утверждает, что критерий различения социализма от коммунизма – в «тайне производственных отношений». Он устанавливает следующую иерархическую структуру производительных сил: «технология», «организация», «экономика». И напоминает, что сущность экономики – это превращение «прибавочного труда» в производительную силу.

По Марксу, наемный труд есть «потребительная стоимость, приносящая потребительную стоимость». В «Критике Готской программы» он писал о том, что в обществе, основанном на «началах коллективизма, на общем владении средствами производства», труд, затраченный на производство продуктов, не проявляется как «стоимость» этих продуктов». В «Немецкой идеологии» записано: «коммунистическая революция... устраняет труд», «пролетарии... должны уничтожить труд».

Отсюда Платонов делает вывод о том, что сущность коммунистической эпохи – не только уничтожение производственных отношений, но и устранение общественных производительных сил. Таким образом, основное содержание социализма – уничтожение трех экономических форм частной собственности, снятие отчужденных экономических отношений распределения, обмена, производственного потребления. Экономика как совокупность экономических отношений есть то, что должно быть «снято» на первой фазе «коммунистического уничтожения частной собственности». Примечательно, что Маркс не пользовался выражением «социалистическая экономика».

Платонов полагает, что место исчезающей экономики *занимает «организация* качественно нового типа, социалистический хозяйственный механизм». «По завершении первой фазы будет достигнута классовая однородность; общество превратится в единый класс, организованно... «эксплуатирующий» производительную силу технологии... ...Возникает искусственно созданная качественно новая *технология* обработки информации, объединяющая в масштабах всего общества все технологические процессы в единый технический комплекс, *хозяйственный механизм*» [1, с. 177].

Так социализм вносит свой вклад в коммунистическое уничтожение частной собственности, устраняя ее экономические формы. На «второй фазе коммунизма» завершается уничтожение частной собственности и разделения труда, отмирает государство, устанавливается «общественное

самоуправление» и «социальная однородность». «На высшей фазе коммунизма происходит преобразование производственно-технологического комплекса в самовоспроизводящуюся, искусственную природу, пользование плодами которой отныне осуществляется в индивидуальной форме, никак не опосредованной обществом...» [1, с. 178].

Итак, читая книгу С. Платонова, предварительно можно сделать вывод:

Если следовать «марксистской теории» (марксизму), то нужно, по крайней мере, различать понятия «коммунизм» и «социализм». Коммунизм – это преодоление «отчуждения» (уничтожение «частной собственности»). Коммунизм – это упразднение самоотчуждения человека («практический гуманизм») – свободная ассоциация всесторонне развивающихся индивидов. Коммунизм – как «всеобщая частная собственность» (роль партии!). Проблема «реального социализма» – это не проблема «уничтожения» частной собственности, а проблема «отчуждения человека», «снятия отчуждения».

Проблемы «отчуждения» и «гуманизма» (снятия «отчуждения» человека при «реальном социализме») активно обсуждались в 80-е годы в эйфории по поводу публикации ранее неизвестных работ К. Маркса («Философско-экономические рукописи 1844 г.» и др.). На Западе и в Советском Союзе поднимался культ «молодого» Маркса-«гуманиста». Между тем очевидно, что в последующем развитии «марксистской теории» гуманистическая идея была вытеснена концепцией «классовой борьбы», в которой человек остался лишь как «субъект общественных отношений», в конечном счете – экономических.

Известный российский политолог Сергей Кара-Мурза сегодня отмечает, что «доктрине марксизма присущ крайний экономизм», так как в ней революция и любая политическая борьба сводится исключительно к экономическим причинам. «Такое представление общественных противоречий – крайняя абстракция» [2, с. 10].

Он напоминает, что еще О. Шпенглер заметил, что К. Маркс «мыслит чисто по-английски». Его классовая система допускает существование только «буржуа» и «пролетария», «грабителя» и «ограбленного».

И замечает, что в России было иное представление о классах, цитируя Н.А. Бердяева («Истоки и смысл русского коммунизма»): «Марксизм разложил понятие народа как целостного организма, разложил на классы с противоположными интересами. Но в мифе о пролетариате по-новому восстановился миф о русском народе. Произошло как бы отождествление русского народа с пролетариатом, русского мессианизма с пролетарским мессианизмом» [2, с. 14].

Между тем, К. Маркс видел первое основание для пролетарской революции в исчерпании тех возможностей, которые капитализм давал для развития производительных сил как следствие того, что основанное на частной собственности капиталистическое производство регулируется стихийными механизмами рынка и «не приемлет научного планирования в масштабе всего общества». В «Капитале» он писал о том, что «монополия капитала становится оковами того способа производства, который вырос при ней и под ней». Капиталистическое производство порождает с необходимостью свое собственное отрицание, точнее – отрицание отрицания.

Поэтому первым условием для пролетарской революции является глобальный характер господства капиталистического способа производства. Революция «созреет» тогда, когда и капиталистический рынок и пролетариат станут *«всемирным»* явлением, когда полного развития достигнет частная собственность.

Об этом К. Маркс писал в «Немецкой идеологии». Коммунизм предполагает «универсальное развитие производительной силы и связанного с ним мирового общения». Пролетариат может существовать только в «всемирно-историческом смысле», а коммунизм возможен лишь как «всемирно историческое» существование.

Поэтому классики марксизма считали «реакционной» попытку произвести «преждевременную» революцию в отдельной стране, до того как буржуазия полностью исчерпает свой потенциал в развитии производительных сил. Ф. Энгельс в статье «О социальном вопросе в России», (1875 г.), написанной в ответ на «Открытое письмо г-ну Фр. Энгельсу» русского революционера П. Ткачева о назревшей «антикапиталистической» революции в России; назвал его «зеленым, на редкость незрелым гимназистом» [2, с. 17].

С. Кара-Мурза приводит справку: в России в начале 1917 года рабочих фабрично-заводской промышленности с семьями было 7,2 млн. человек, из них взрослых мужчин 1,8 млн. Таким образом, собственно «рабочий класс» накануне революции составлял ничтожное меньшинство.

К тому же К. Маркс считал сопротивление капитализму «реакционным», так как оно препятствует «прогрессу промышленности, невольным носителем которого является буржуазия».

«Надо подчеркнуть, что обвинение капитализма в эксплуатации рабочих является *нравственным* и, в принципе, вообще не должно присутствовать в политэкономии, которая претендует быть наукой», – замечает в связи с этим Кара-Мурза [2, с. 19].

По его мнению, именно В.И. Ленин придал «политическую форму» теории «антикапиталистических революций», которая «кардинально расходилась с марксистской».

Еще в 1907 году (еще раньше в книге «Развитие капитализма в России», 1899 г.) в статье «Аграрный вопрос и силы революции», В.И. Ленин писал о том, что «наша революция по содержанию происходящего общественно-экономического переворота буржуазная», так как она происходит «на почве капиталистических отношений производства». После поражения революции 1905-1907 гг. он изменил свое мнение и сделал ставку на «антикапиталистическую», *крестьянскую* революцию в России. («Лев Толстой как зеркало русской революции»).

Таким образом, как утверждает современный политолог, «революция в России была отрицанием капитализма с его разделением на классы».

А. Грамши уже в 1918 году («Революция против «Капитала») указал на это: «Это революция против «Капитала» Карла Маркса. «Капитал» Маркса был в России книгой скорее для буржуазии, чем для пролетариата. Он неопровержимо доказывал фатальную необходимость формирования в России буржуазии, наступления эры капитализма и утверждения цивилизации западного типа.... Большевики отвергли Маркса. Они доказали делом, своими завоеваниями, что каноны исторического материализма не такие железные, как могло казаться и казалось» [2, с. 23].

Однако С. Кара-Мурза признает, что сходство теорий революции Маркса и Ленина очевидно в том, что «в обоих случаях объектом революционного изменения (разрушения) становился *базис* общества или, в терминах марксизма, производственные отношения. Смысл пролетарской революции состоял в экспроприации капиталистической частной собственности». [2, с. 26].

Таким образом, обращает на себя внимание вопрос о сопоставлении «реального социализма» с «капитализмом» с точки зрения классического марксизма.

С. Платонов отмечает, что товарно-денежные отношения образуют лишь «материю» капитала, однако сам он – качественная форма существования этой материи, «*самовозрастающая стоимость*». При капитализме «деньги – это средство делать деньги и это свойство они приобретают только в качестве капитала».

Он считает необходимым отбросить «абсолютно фантастическое представление» о том, что до сих пор существует «государственно-монополистический капитализм». На основе анализа работ Маркса и Ленина по вопросу частной собственности Платонов приходит к выводу, что капитализм в развитых странах перестал существовать в «первые полтора десятилетия после Великой Октябрьской социалистической революции». Сегодня над капиталом (и государством) господствует «финансовая элита», опирающаяся на «механизмы тайной власти», которые постепенно преобразуют систему общественных отношений в интересах «правлящего меньшинства». Эту общественную систему он называет «элитаризмом». И заявляет: «Элитаризм является... неизбежной «тенью» социализма на всем протяжении эпохи социализма и коммунизма» [1, с. 140-141].

«...Что же касается элитаризма в целом, то необходимо отдать себе отчет, что он, как и социализм, обладает средствами сознательного объективного выявления и поэтапного снятия противоречий своего развития. ...Элитаризм, как и социализм, постепенно устраняет частную собственность, но только на смену ей приходит не общественная собственность (как при социализме), а корпоративно-элитаристическая собственность правящего слоя. Таким образом, элитаризм, в отличие от капитализма, не несет внутри себя какое-либо принципиально неразрешимое экономическое противоречие фатально обрекающего его на гибель» [1, с. 142].

Новая эпоха представлена противостоянием «двух мировых систем – социализма и элитаризма».

В связи с этим Платонов вспоминает слова Ленина: «империализм стремится заменить демократию вообще олигархией».

«Экономическая суть элитаризма, – как бы это ни казалось парадоксальным, – та же, что и коммунизма; *уничтожение частной собственности*. Но если социализм и коммунизм – это переход от частной собственности к общественной, к собственности всего общества, то элитаризм – переход от частной собственности к корпоративно-элитаристической». Если первоначально элита возникает из объединения крупнейших представителей финансового капитала, то впоследствии посредством государства она монополизирует высшие формы деятельности банковского капитала, начинает осуществлять плановое управление инвестиционным циклом в масштабе всей страны. «Правящая группировка – элита – постепенно становится единым и единственным, совокупным собственником всех производительных сил, принадлежавших ранее классу капиталистов, но управляющихся каждым из них порознь, частным образом» [1, с. 248].

Элитаризм, как и социализм, несмотря на присущие ему экономические противоречия, обладает механизмом их планомерного разрешения. Экономическое «могущество» элитаризма основано на эксплуатации стран «третьего мира», и в значительно меньшей степени – трудящихся своих стран. Экономика современного элитаризма характеризуется наличием огромного избыточного капитала, для сохранения которого капитал должен постоянно находиться в процессе расширенного воспроизводства в

рамках инвестиционного цикла. В современную форму воспроизводства «вмонтирована» гонка вооружений.

Поэтому, как считает Платонов: «в условиях элитаризма социалистическая революция – в мирной или же немирной форме – необратимо теряет «классическую» экономическую основу и социальную движущую силу, и без мощного воздействия извне со стороны социалистической системы и «третьего мира», становится все менее возможной» [1, с. 249].

По его мнению сегодня необходимо переосмыслить содержание и основное противоречие современной эпохи.

«Завершенный, полный ГМК, означает, что олигархия посредством государства «упраздняет» экономику, узурпируя все три экономических формы присвоения (капитал, деньги, право) путем взятия под контроль экономических отношений распределения, обмена, производственного потребления» [1, с. 186].

«Власть» господствует над «законом», в ГМК доминирует «административный» уклад.

Это подтверждается современными политологическими исследованиями.

«Западное общество как система владельцев индивидуальных капиталов существовало примерно до начала XX века... Правящие элиты Запада оказались исключительно перед трудной задачей, сущность которой состоит в поддержании стабильности политических систем в условиях воздействия новых факторов: изменения функции капитала в государственном правлении и управлении, экономического кризиса и демографических перемен» [3, с. 286].

Принцип получения максимальной прибыли на основе избыточной прибавочной стоимости постоянно распространяется на все сферы жизни общества. Современные ТНК – это уже организационно оформленная система, которая контролирует информацию и финансы.

«Мондиализм» (франц. – *monde* – «мир») – это оформленное международное явление, которое фактически ведет к отмене национального суверенитета государств и добровольной передаче власти некоей «теневой, наднациональной элите, никем не избираемой и никем не контролируемой». «Главными субъектами мирового политического процесса, властвующими на доктринальном уровне, становятся узкие группы демократически не уполномоченных на то лиц, рассматривающие все ресурсы Земли как свои собственные, – а национальные государства как инструмент политического господства, оставляя за ними право быть субъектами политики, максимум, на тактическом уровне». «Мировые центры силы проводят отчетливо выраженную политику управления национальными элитами, в результате многие из них перестают решать задачи национального тактического уровня...» [3, с. 369-370].

С. Платонов утверждает, что в процесс монополизации власти и ресурсов, который начался еще в начале XX века, оказалось втянуто и Советское («социалистическое») государство: «Государство диктатуры пролетариата, которое возникло бы из ГМК путем революционной замены субъекта власти, естественно, принадлежало бы с самого начала к такому же типу «государственной монополии». Он называет это – «государственно-монополистический социализм». «Мы искали такую ступень исторической лестницы, которая вплотную подводит нас к социализму. Мы ее нашли. Это государственная монополия, осуществляемая властью диктатуры пролетариата, то есть ГМС» [1, с. 188, 190].

Но такое утверждение устанавливает противоречие между позициями К. Маркса и В.И. Ленина.

«Перед нами противоположность между *абстракцией сущности* перехода к социализму, раскрытой Марксом уже в цикле работ 1844-1848 годов, и ее *конкретным проявлением*, которое Ленин теоретически обосновал в годы первой мировой войны. Раскрытие этой противоположности – ключ ко всему колоссальному многообразию реальных путей к социализму» [1, с. 191].

Платонов напоминает, что «Капитал» Маркса вовсе не претендует на то, чтобы быть всесторонне развитой теорией реального капитализма. «Поэтому представление о социализме, выводимое на этой методологической основе, может быть не чем иным, как подобной же абстракцией «социализма вообще».

Между тем Ленин сформулировал свою теорию социализма «не оставляющим сомнения образом». «Социалистический уклад» есть осуществляемая под руководством партии коммунистов диктатура пролетариата, «диктатура есть власть, опирающаяся на насилие, не связанное никакими законами». Однако сам Ленин называл это: «социализм в известном смысле».

Если Маркс считал, что социалистическая революция имеет шансы на успех только в условиях одновременной победы пролетариата всех развитых капиталистических стран, то Ленин говорил о необходимости ступени ГМК в случае победы пролетариата в отдельно взятой стране.

«Государственная монополия есть средство, конкретнее – учреждение, с помощью которого государство присваивает, эксплуатирует производительные силы. Такова видимость дела, но не такова ее суть», — пишет Платонов [1, с. 205]. Государственная форма собственности никогда не сможет удержать контроль над развитием частных форм уже хотя бы потому, что экономические формы деятельности являются эволюционно более высокими. Поэтому, считает он, «суровая действительность» такова: «социализм пока еще не существует, существует лишь незрелый «социализм в известном смысле».

«Мы десятилетиями топчемся вдоль границы переходного периода и коммунистической эпохи...» Логика противоборства с капитализмом требует достичь его уровня производительности труда и эффективности производства. «А пока мы добиваемся «побивания» зарубежного капитализма путем создания отечественного» [1, с. 216-217].

«Принято считать, — пишет Платонов, — что частная собственность в странах реального социализма уже окончательно уничтожена. На самом деле, по Марксу, верно обратное: к ее подлинному уничтожению еще даже не приступали. Свержение власти буржуазии и ее захват пролетариатом, как разъясняет «Манифест», еще не несет в себе ничего *собственно* коммунистического. Это лишь *упразднение* частной собственности...» [1, с. 240].

«Капитализм и реальный социализм как две различные формы движения социальной материи разделяет в качественном отношении глубочайшая пропасть, переходя через нее, социальная материя обретает сознание; возникает — пусть еще в самом зачаточном виде — отношение *сознательности* между общественным сознанием и общественным бытием. Общественное сознание начинает долгий путь своего превращения в субъект истории. В результате этого логика движения социально-экономической формы производства претерпевает кардинальное изменение. *Теперь диалектика взаимодействия формы (производственных отношений) и содержания (производительных сил) опосредована общественным сознанием, а сама форма выступает как реализация обратного воздействия общественного сознания на общественное бытие*» [1, с. 218].

Непосредственно после победы «пролетарской революции» было невозможно перейти к уничтожению «отчужденных» экономических отношений потому, что они были разрушены в ходе революции и гражданской войны. Поэтому «переходный период к социализму — восстановление производительных сил». «Прежде всего, коммунистический характер субъекта проявится в способе, которым распределяется часть произведенного продукта, идущая на потребление, то есть в характере социальной политики, выражающей коренные интересы трудящихся» [1, с. 229].

Еще раньше Платонов утверждал: «...Категория субъекта, чья деятельность состоит в познании объективных законов, превращения их в двигатель общественного развития в управлении этим развитием, *должно стать центральной категорией материалистического понимания истории* в коммунистическом типе развития». Однако, «в то время как партия является ведущей силой, субъектом коммунистического строительства — партийное строительство, наука об этом субъекте, существует на птичьих правах, ее статус как науки подвергается сомнению...» В таком случае, «как же должно выглядеть материалистическое понимание механизма общественного развития, *в центре которого стоит категория субъекта — коммунистической партии?*» [1, с. 76-77].

Итак, «соль соли, двигатель двигателей» механизма общественного развития в эпоху коммунизма — сознательная деятельность субъекта — правящей партии» [1, с. 78].

Итак, после знакомства со второй частью книги С. Платонова можно отметить следующее:

Новая форма капитала (деньги-товар) — «самовозрастающая стоимость». При капитализме деньги — это средство делать деньги. В качестве стоимости, приносящей стоимость, капитал в снятом виде продолжает существовать» («плановый экономический механизм») и при социализме. «Общность труда» (и равенство заработной платы) — «община как всеобщий капиталист» (К. Маркс). На этапе «реального социализма» нет принципиального отличия его от современного капитализма, оба представляют «элитаризм». Единственное преимущество социализма в том, что он сознательно строится партией на научной основе материалистического понимания истории. Но связь цели построения коммунизма и материалистического понимания истории — **неочевидна!** Сущность коммунизма — в планомерном уничтожении производственных («уничтожение труда») отношений.

Переходя «от идеологии — к теории», С. Платонов делает выводы:

«Социализм — новый исторический тип общества, которое не развивается само по себе, по законам социалистической природы, а сознательно культивируется, строится на научной основе. В этом его главное преимущество, но в этом же — главное уязвимое место, поскольку опора на научную основу влечет за собой зависимость от степени ее разработанности» [1, с. 237].

Однако, как он считает, «освоение глубинных пластов теоретического наследия Маркса только еще предстоит совершить». Между тем, «по существу, после Ленина в науку о строительстве коммунистического общества не было добавлено ни строчки» [1, с. 241].

Ленин определил учение К.Маркса как уникальную целостность качественно нового типа: «*научную идеологию*». По выражению самого Маркса, «материалистическое понимание истории» является лишь материалистическим пониманием «предыстории», теорией возникновения, развития и смены исторически конкретных форм частной собственности вплоть до высшей и последней — капитала.

Коммунистическая же теория, в отличие от этого, имеет совершенно иной характер.

По мнению Платонова, «в центре коммунистической теории стоят категории самосознющего субъекта и его общественно-исторической *практики*». Между тем он считает, что современный «научный коммунизм» целиком относится к сфере идеологии. «Идеология, которая подвизается в

несвойственной ей роли теории, то есть берется *объяснять и предсказывать*, неизбежно порождает фантастические представления о современном мире, – и что самое опасное и печальное – творит идеологически мифы о нас самих» [1, с. 244]. В результате «десятилетия мы стоим перед границей, отделяющей подлинный социализм от «социализма в известном смысле»

С. Платонов, размышляя по поводу дискуссии Сократа с Калликлом в «Горгии» Платона, извлекает из нее заключение: «Идеал политика и государственного мужа превращается в беспринципного демагога, который сознательно угодничает перед толпой, ловко играя на ее низменных инстинктах, и которому, в сущности, глубоко чужда и безразлична сама мысль о благе народа. Мнение подобного представителя политической элиты о собственной исключительности – всего лишь жалкий самообман» [1, с. 111].

По этому поводу С. Кара-Мурза заявляет: «Механизм власти – не только принуждение, но и *убеждение*. Овладение собственностью как экономической основой власти недостаточно – господство собственников тем самым автоматически не гарантируется и стабильная власть не обеспечивается». [2, с. 8].

Он вспоминает итальянского коммуниста Антонио Грамши, который создал учение о «*культурной гегемонии*»: «Государство – это вся совокупность практической и теоретической деятельности, посредством которой господствующий класс оправдывает и удерживает свое господство, добиваясь при этом активного согласия руководимыми» [2, с. 27].

Исходя из этого учения, для подрыва «гегемонии» надо действовать не на теории противника и не на главные идеологические устои власти, а на обыденное сознание, на повседневные мысли среднего человека. Так действовал, например, итальянский и германский фашизм, разрушивший гегемонию буржуазной демократии.

По этой причине, по мнению российского политолога, развалился Советский Союз как *идеократическое* государство, чья «лигитимация» опиралась на «авторитет символов и сакральных идей». Он ссылается на итальянца Р. Гвардини (католик), который заметил: «разрушение авторитета неизбежно вызывает к жизни его извращенное подобие – насилие».

И делает вывод: «Для понимания и предвидения хода революций надо вглядываться не только в противоречия, созревшие в базисе общества, но и в процессы, происходящие или целенаправленно возбуждаемые в надстройке общества – в культуре, идеологии и сфере массового сознания» [2, с. 39].

Таким образом, подводя итог вышеприведенному анализу работ классиков марксизма-ленинизма, можно прийти к заключению. Во-первых, устоявшаяся в Советском Союзе доктрина «реального социализма» не соответствует основополагающим положениям «марксистской теории». Во-вторых, советская модель «социализма» сопоставима с моделью современного капитализма (ГМК). В-третьих, марксистская концепция коммунизма вступает в очевидное противоречие с «материалистическим пониманием истории», то есть, в конечном счете, с *марксизмом!*

Библиографический список

1. Платонов С. После коммунизма / С. Платонов. — М.: Молодая гвардия, 1989. — 255 с.
2. Кара-Мурза С. Революция на экспорт / С.Г. Кара-Мурза, А.А. Александров, М.А. Мурашкин, С.А. Телегин. — М.: Алгоритм-Эксмо, 2006. — 528 с.
3. Чемшит А.А. Государственная власть и политическое участие / А.А. Чемшит. — Киев, УЦДХ, 2004. — 528 с.

Поступила в редакцию 19.10.2009 г.